

Майи Плисецкой

Французское издание автобиографии великой русской балерины

Конечно, слава советского балета была не последней запятой в мифе о «преимуществах советского образа жизни». Миф лопнул, русский балет остался, и осталось во всех языках мира не нуждающееся в переводе слово *Большой*. И Майя Плисецкая, его первая солистка, не нуждается в представлениях и титулах — ее и так знает каждый школьник.

Слава Плисецкой так велика сегодня, что ей не нужны кутурны. «Ничего от звезды, от театральной примадонны», — пишет Доминик Фретар в «Монде». Стоит ли удивляться? Стоит. Слава — муза коварная, нужно обладать недюжинным характером, чтобы устоять перед ее соблазнами.

Нынешний приезд Майи Плисецкой в Париж — двойной праздник для парижан. Во-первых, она танцует, в паре с Патриком Дюпоном, в новом спектакле Мориса Бежара «Куродзука», на сюжет старинной японской легенды о женщине-пауке, пожирающей юношей. Во-вторых, ее приезд почти совпал с выходом на французском языке ее автобиографии «Я, Майя Плисецкая», до этого выдержавшей три переиздания в России. 20 ноября в Москве, в Большом театре, она собирается праздновать свое семидесятилетие. Семьдесят лет? На последней фотографии — молодая изящная женщина, полная жизненных сил.

Жизненной силой и энергией пронизана и ее книга. Жанр исповеди — самый неблагодарный, это прописная истина литературы. Самый уязвимый — хочет автор или нет, от критики и публики не спрячешься, в автобиографии ты весь на виду.

Трудно судить, какой будет долговременная судьба этой книги, пока числящейся бестселлером в России и за границей. Трудно потому, что ее напряженный монолог несомненно современен, намеренно современен не только в отборе материала, но и в манере изложения. Это рассказ об искусстве, о себе, о своей семье, но больше всего — о времени.

Самое первое впечатление от книги — она написана человеком, поглощенным своей профессией. На первых страницах, еще о детстве, Плисецкая не отказывает себе в удовольствии с гордостью вспомнить, что при вручении ей Золотой медали за заслуги в области изящных искусств королем Испании Хуаном Карлосом она, вместо благодарственной речи, исполнила реверанс, который потом несколько дней передавали по телевидению. Единственная абсолютно неприкрытая похвала. За ней — гордость большого профессионала возможностями своего высокого искусства. Оценки танцовщиц и танцовщиков (большая часть доброжелательные, что не часто случается в балетном мире и чего, признаться, не ждешь) — тоже подчеркнуты профессионально, с подробностями, которые может подметить только наметанный глаз. Десятки, сотни людей, с которыми она вместе работала... И ни одного общего слова.

Память на людей — еще одна впечатляющая особенность книги. Можно вообразить, сколько очень знаменитых, просто знаменитых или заметных людей встретила она в своей жизни. Радостью общения с такими людьми делится естественно, приятно и престижно. Но помнить людей случайно промелькнувших, часто глубоко неприятных, видеть их жесты, движения, облик десятилетия спустя — согласитесь, нечастое качество.

И способность к благодарности. Плисецкая поминает добрым словом

всех, кто учил, помогал, просто в нужный момент сказал доброе слово. Правда, сама она пишет: «Люди делятся на плохих и хороших. На очень плохих и очень хороших... Плохих во все века было больше, много больше. Хорошие всегда исключение, подарок Неба». Не самая человеколюбивая философия, но если из нее делают такой вывод, какой сделала Майя Михайловна, помянув добрым словом всех «хороших», но не упустив и ни одного недоброжелателя и гонителя — не так уж и худо.

«Плохие» принадлежат, в подавляющем большинстве, советско-полицийской теме книги. Теме, естественной для дочери расстрелянного в 1938 году отца и арестованной и проведенной не один год в лагере и ссылке матери (младший брат Майи родился в тюрьме), советской балерины, которую бдительные органы не оставляли без внимания практически всю ее творческую жизнь.

В пятисотстраничной книге лишь к концу перестают мелькать «дорогие Леониды Ильичи», их собратья помельче, в том числе и из артистического мира, и чистые гебешники, опять-таки сверху донизу. Мемуары Плисецкой — не единственные воспоминания советской балерины, но у нее, благодаря ее памяти на подробности (не говоря уже о накопившейся за годы горечи), оборотная сторона показушного советского балета прописана с предельной обнаженностью. Отвратительные лица «сопровождающих» (напомним, она перечисляет их всех), их бесцеремонность, мерзкие бытовые привычки — Плисецкая не выбирает слов. Советские вожди — знаменитая балерина Большого перевидела их всех, начиная от Сталина и кончая последним генсеком и, на ее взгляд, они мало чем отличаются от «исполнителей»: тяжеловесные полупохабные шутки, натужно «интеллигентные» разговоры. В галерее мимолетных портретов, набросанных Плисецкой, вожди запоминаются меньше всего (разве что Фурцева) — так невыразительны их поступки. Зато — весомы.

Отвратительную закулисную сторону «политики партии в области искусства» Плисецкая раскрывает с неменьшим знанием предмета, чем профессиональные тайны. Партия и позаботилась о том, чтобы эти «навыки» стали второй натурой людей искусства. Цепкая память Плисецкой воскрешает и политику кнута и пряника, с проработкой на собраниях сегодня и неожиданными «подарками» в виде разрешенной поездки или спектакля завтра, и шестилетнюю ежедневную открытую слежку, и унижительную, изматывающую, годами длившуюся борьбу за статус «выездной» с фантастическими перипетиями, вроде звонка с «вертушки», за которым последовало тут же увольнение несчастной секретарши, или семейного заговора Бриков и Щедрина,

который и прорвал шестилетнюю блокаду.

В автобиографии естественно вспоминать свои беды и обиды, и Плисецкая справедливо ставит их все в строку советской власти. Но еще с большей яростью она ставит в строку ей судьбы своих товарищей по сцене, исковерканные «рабоче-крестьянской» рукой советской власти.

И — то, о чем не хотят и не принято говорить: унижительная бедность советских артистов, горькие и анекдотические подробности тайных ужинов в гостиничных номерах, голодные обмороки на гастролях тех людей, которые в своих чемоданах везли на родину тысячи ими же заработанных долларов, дрожа и боясь потерять — всю жизнь не расплатиться.

Подробности эти, в перебивку с рассказами о встречах с людьми искусства, с политиками, просто людьми из другого мира, сами по себе должны вызвать у читателя вопрос: «А почему не осталась?» Он и возникает время от времени на страницах книги с тем, чтобы вылиться в отдельную главу «Почему я не осталась на Западе».

Если посчитать, то больше всего оставались как раз танцовщики. Плисецкая называет только тех, кто ухитрялся тайком повидаться с нею — два-три имени, самых известных. Зато очень внятно объясняет, почему люди рисковали — очень короток балетный век, не по советским интригам — и каков был риск. Одно дело предполагать, а другое дело из первых рук услышать, что КГБ всерьез готовило «несчастный случай» для Рудольфа Нуриева, такой, чтобы именно ноги перебить. И что каждый, кто в Большом театре задумывал побег, учитывал и такую вполне реальную возможность. В их числе — заслуженная, а потом народная артистка СССР Майя Плисецкая, которой «шутя», без стеснения говорили, выпуская: «Оста-нетесь, мужу руки перебьем». Не топтыги говорили, очень большие начальники. А ведь она была, если не считать родителей и отчаянной борьбы за выезд, вполне лояльной.

Жизнь и сценическая судьба в конце концов состоялись, и у Плисецкой было и есть все, что должно быть у балерины ее дарования — шумный успех во всех странах мира, многолетние почитатели таланта, высокие награды отовсюду, портреты, написанные лучшими художниками мира, и туалеты от Шанель и Кардена. Есть теперь и драгоценная для каждого человека и неоценимая для художника возможность жить где хочется и когда хочется, а когда хочется, возвращаться домой. Есть теперь и литературный успех.

В канун дня рождения остается пожелать, чтобы брошенное когда-то журналистам: «Буду танцевать до ста семи лет», — исполнилось.

ТАМАРА ГРИГОРЯНЦ

Париж